

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ II

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. Н. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1902

О принятіи чукочъ въ русское подданство.

Легенды и документы.

Якутская этнографическая экспедиція была снаряжена Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на средства И. М. Сибириакова въ 1894 году и организована изъ местныхъ изслѣдователей бывшимъ тогда правителемъ дѣла Д. А. Клеменцомъ.

Въ кругъ изслѣдованія экспедиціи вошли три округа: Якутскій, Олекминскій и Колымскій. Изученіе народностей Колымскаго округа было произведено г. Іохельсономъ и мною, причемъ я изучалъ оленыхъ чукочъ, каменныхъ ламутовъ и русскихъ порѣчанъ. Подробная свѣдѣнія о результатахъ моихъ работъ изложены въ моемъ «Краткомъ отчетѣ объ изслѣдованіи чукочъ Колымскаго края». «Ізвѣстія В. С. О. И. Р. Г. О.» за 1899 г., т. XXX, выпускъ 1-й.

Столкновенія русскихъ съ чукчами начались съ первыхъ же встречъ съ ними въ половинѣ 17 вѣка. Такъ, уже Семенъ Дежневъ во время своего плаванія кругомъ сѣверо-восточной оконечности Азіи имѣлъ нѣсколько стычекъ съ чукчами не далеко отъ мыса Дежнева въ 1648 году. Съ тѣхъ поръ борьба съ чукчами продолжалась въ теченіе вѣка, но въ данномъ случаѣ казаки, привыкшіе при покореніи юкагировъ и ламутовъ къ легкимъ и часто безкровнымъ успѣхамъ, наткнулись на ожесточенное сопротивленіе, тѣмъ болѣе поразительное, что народъ, оказавшій его, т. е. чукчи, былъ совершенно лишенъ всякой общественной организаціи и только на время борьбы выдвигалъ въ видѣ временныхъ предводителей наиболѣе сильныхъ и отличившихся въ сраженіи воиновъ.

Изъ этой борьбы казаки не только не вышли побѣдителями, но были разбиты на голову и два послѣднихъ предводителя погибли въ сраженіяхъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ отрядомъ: Афанасій Шестаковъ — 14 марта 1730 года на рѣкѣ Егачѣ и Дмитрій Павлуцкій 15 марта 1747 на верховье рѣки Лабугена. Наконецъ, въ 1776 году безплодная трата людей въ этой борьбѣ была прекращена, и Анадырская крѣпость, выдвинутая противъ чу-

кочъ, въ качествѣ форпоста, уничтожена, а гарнизонъ, амуниція и запасы переведены отчасти въ Колымскъ, отчасти въ Гижигинскъ.

Пораженіе Павлуцкаго имѣло болѣе важное значеніе, такъ какъ отрядъ Павлуцкаго былъ гораздо больше. По мѣстному русскому преданію, Павлуцкій былъ разбитъ и погибъ оттого, что часть казаковъ, наскучивъ неимовѣрными трудностями походовъ, въ рѣшительную минуту не пришли къ нему на условленное мѣсто. Предводителемъ этой части казаковъ преданіе называетъ пятидесятника Кривогорницына, послѣдній потомокъ котораго, Митрофанъ Кривогорницынъ, слѣпой нищій, еще живетъ на Колымѣ въ Походской деревнѣ.

Чукчи не ограничивались побѣдами на тундрѣ, но являлись нѣсколько разъ на Колыму въ байдарахъ и подвергали заимки и деревни жестокому разгрому. Такъ, одинъ изъ поселковъ до сихъ поръ носить название Погромнаго, а другой называется Дуваннымъ, потому что тамъ чукчи будто бы дуванили добычу. Въ 30 верстахъ отъ Нижнеколымска одна рѣчка носить имя Томиловки, такъ какъ на ея берегахъ томилась израненная девушка, убѣжавшая изъ разграбленного чукчами поселка.

Сношенія съ чукчами были возобновлены въ 1789 г. зашиверскимъ комиссаромъ Баннеромъ. Зашиверскъ—городъ на Индигиркѣ, нынѣ упраздненный; но въ концѣ прошлаго вѣка зашиверскому комиссару подчинялся также и Колымскій округъ. Баннеръ убѣдилъ нѣкоторыхъ чукчъ согласиться на платежъ ясака, но взамѣнъ за ясакъ исхлопоталъ имъ выдачу подарковъ отъ казны, превышавшихъ стоимость ясака. Эти подарки по отношенію къ оленнымъ чукчамъ были отмѣнены барономъ Майделемъ. Въ видѣ архаического остатка уцѣлѣла еще выдача казенныхъ подарковъ на Анюйской ярмаркѣ восьми торговцамъ, приходящимъ съ Чукотского носа, въ обмѣнъ за ихъ ясакъ. Весенняя ярмарка была учреждена Баннеромъ же первоначально на р. Ангаркѣ, впадающей въ р. Большой Ануй, но въ началѣ текущаго вѣка переведена на р. Малый Ануй, гдѣ была для этого срублена деревянная крѣпость самой примитивной формы, собственно говоря, просто группа избъ, обнесенная высокимъ заборомъ. Обороты этой ярмарки очень скоро достигли 200,000 рублей, что для безлюднаго края представляется суммой весьма значительной. Но въ настоящее время обороты эти упали до 10,000 р., т. е. въ 20 разъ, по той причинѣ, что три четверти торговли перешло къ американцамъ, а послѣдняя четверть отвлечена на Анадырь, гдѣ русскіе товары, какъ привозимые морскимъ путемъ, дешевле, чѣмъ на Колымѣ.

Еще въ 1895 году, во время первой поѣздки по стойбищамъ Анюйскихъ чукчъ, я имѣлъ случай слышать, что во владѣніи одной семьи, проживающей на верховьяхъ рѣки Лабугена, имѣется какая-то старая грамота отъ времени прекращенія войнъ, какъ опредѣляли разсказ-

чики. Описывали ее, впрочемъ, самымъ противорѣчивымъ образомъ даже очевидцы. Одни говорили, что она начертана на свѣтлой пестроожелѣзной доскѣ и похожа на щитъ; другие утверждали, что это знамя, вѣкогда отнятое чукчами у разбитаго ими отряда Якунина (чукотское имя Павлуцкаго); третыи, наконецъ, уверяли, что это ничто иное, какъ доскуть одежды некоего знаменитаго русскаго шамана, который (т. е. доскуть) до сихъ поръ обладаетъ весьма дѣйствительными чародѣйскими свойствами. Привыкнувъ къ преувеличеніямъ чукчъ, я не придавалъ особаго значенія этимъ разсказамъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно былоѣхать совсѣмъ въ другую сторону.

Въ 1897 году, во время поѣздки по переписи, мнѣ пришлось посѣтить и вышеуказанную семью и я, конечно, не преминулъ распросить о предполагаемой граматѣ, намѣреваясь пріобрѣсти ее, если это мнѣ окажется по средствамъ. Оказалось, что на стойбищѣ дѣйствительно имѣются какія-то старыя бумаги и медаль. Владѣтельницей ихъ была семидесятильная старуха Пынчекауръ, нѣкогда знавшая лучшія времена, но теперь пріютившаяся изъ милости на стойбищѣ своего двоюроднаго племянника Кэт-Аймака. Старуха по видимому очень ревниво относилась къ этимъ бумагамъ, доставшимся ей послѣ покойнаго мужа и даже отказалась показать ихъ мнѣ, объявивъ, что она покинула ихъ въ весенней оставкѣ¹⁾, въ пятидесяти верстахъ отъ настоящаго стойбища. Впрочемъ, вечеромъ Кэт-Аймакъ, въ качествѣ хозяина стойбища, считавшій себя имѣющимъ право на эти бумаги, сообщилъ мнѣ конфиденціально, что онъ могъ бы послать за ними человѣка, если только я захочу заплатить за проѣздъ. При этомъ онъ назначилъ такую высокую цифру вознагражденія, что я предпочелъ отклонить предложеніе, тѣмъ болѣе что былъ вполнѣ убѣжденъ, что бумаги находятся тутъ же на стойбищѣ и чтоѣхать за ними никому не придется. Быть можетъ, не лишнее замѣтить, что почтенный хозяинъ стойбища слылъ между сосѣдями за отъявленнаго плута и даже имя его Кэт-Аймакъ (мерзлая туша) было въ сущности не именемъ, а прозвищемъ, которое ему было присвоено послѣ того, какъ онъ былъ пойманъ съ поличнымъ въ кражѣ мерзлой оленѣй туши. Настоящаго его имени я такъ и не могъ узнать, ибо по весьма распространенному обычью онъ ревниво скрывалъ его и откликался только на свою партизанскую кличу. Я простеръ наружное равнодушіе къ бумагамъ Пынчекауръ до такой степени, что на другое утро уѣхалъ къ моему старому пріятелю Левтыкѣ, стойбище котораго находилось въ восьми верстахъ. Передъ отѣзломъ Кэт-Аймакъ предложилъ мнѣ уже прямо купить бумаги, но снова назначилъ размѣры уплаты, далеко превосходившіе всѣ мои наличные рессыурсы въ то время.

¹⁾ Чукчи и ламуты оставляютъ вблизи весеннаго кочевья часть вещей, употребляемыхъ лѣтомъ, имѣя въ виду захватить ихъ при возвращеніи съ зимовья на лѣтовье.

Платежнымъ средствомъ, конечно, являлись не деньги, а кирпичный чай и листовой табакъ, и я, по обыкновенію, былъ снабженъ этими продуктами въ весьма ограниченномъ количествѣ и волей-неволей долженъ былъ сокращать размѣры своихъ расходовъ и раздачъ подъ угрозой потерпѣть немедленное банкротство среди океана чукотскихъ требованій. Въ данномъ случаѣ я разочаровалъ на то, что бумаги не представляли для жителей стойбища никакой реальной цѣнности, такъ какъ мужское поколѣніе семьи, владѣвшее ими, вымерло, а чукчи вообще относятся довольно подозрительно къ домашнимъ святынямъ и реликвіямъ чужихъ семей и неохотно принимаютъ ихъ въ свою собственную домашнюю сокровищницу. Такъ какъ чай и табакъ на окрестныхъ жительствахъ цѣнился тогда почти на вѣсъ золота, то я былъ убѣжденъ, что Кэт-Аймакъ не упустить окончить сдѣлку къ удовольствію обѣихъ сторонъ. Дѣйствительно, вечеромъ того же дня ко мнѣ явился племянникъ Кэт-Аймака, Лёлѣ, съ предложеніями гораздо болѣе скромнаго характера и послѣ непродолжительныхъ переговоровъ мы согласились обмѣнѣть бумаги Пынчекауръ на полтора кирпича чаю и два фунта табаку. По окончаніи переговоровъ Лёлѣ уѣхалъ за бумагами, которые, конечно, находились вовсе не въ пятидесяти верстахъ, а на самомъ стойбищѣ въ одномъ изъ дорожныхъ мѣшковъ старухи Пынчекауръ, но которая онъ почему-то не заблагоразсудилъ привести сразу. Часа черезъ четыре онъ вернулся и, забравшись въ подогъ, гдѣ мы сидѣли, вручилъ мнѣ маленький, плоскій, полуизломанный ящичекъ, обвязанный веревочкой и содержащий дѣйствительно большую серебряную медаль и отрывки двухъ документовъ о принятіи чукочъ въ русское подданство.

Впрочемъ, въ то время я едва успѣлъ осмотрѣть наружный видъ ящика, какъ вниманіе мое было отвлечено въ другую сторону. Надо сказать, что мы сидѣли тогда въ шатрѣ Омрыэ, шурина Левтыка. Ровтынга, жена Омрыэ, женщина довольно чахлаго вида, вдобавокъ недавно разрѣшившаяся отъ бремени, въ качествѣ хозяйки находилась съ нами, хотя ребенокъ изъ благоразумной предосторожности передъ чужеплеменниками былъ удаленъ въ самый задній шатель. Когда Лёлѣ уѣхалъ за бумагами, Омрыэ высказалъ предположеніе, что появленіе ихъ можетъ причинить вредъ присутствующимъ. Я поспѣшилъ увѣритъ его въ благонадежности содержанія этихъ бумагъ (мию еще не виданныхъ) и на этомъ дѣло окончилось. Въ качествѣ человѣка, привычнаго къ общенію съ русскими, Омрыэ стѣснялся выказать свои опасенія въ полномъ объемѣ, я же никакъ не предполагалъ, что чукотское отвращеніе къ реликвіямъ чужихъ семей заходить такъ далеко, какъ оказалось потомъ.

Какъ бы то ни было, какъ только я взялъ ящичекъ, привезенный Лёлѣ и пришелся его развязывать, Ровтынга вдругъ какъ-то особенно по

тянула носомъ воздухъ, тихо простонала и къ моему изумленію и даже ужасу лишилась чувствъ и упала навзничь, недвижная и окостенѣлая, какъ трупъ. Омрыэ съ крикомъ подхватилъ ее и принялся качать на рукахъ, мѣрно и сильно подбрасывая ее вверхъ. Когда это не помогло, онъ приступилъ къ обыкновеннымъ шаманскимъ манипуляціямъ лѣченія. Онъ сперва усиленно высасывалъ изъ макушки жены духа болѣзни, потомъ, когда этотъ духъ входилъ ему въ ротъ, ожесточенно фыркалъ, трясь головой и вообще бѣсновался и, наконецъ, сплевывалъ въ сторону, чтобы освободиться отъ этого непріятнаго вкуса. Время отъ времени онъ впускалъ въ свою сжатую ладонь струю дыханія и поспѣшно прикладывалъ руку къ сердцу жены, стараясь сообщить ей частицу своей жизненной силы. — Ухъ, ребенокъ! — повторялъ онъ время отъ времени съ отчаяніемъ. Новорожденный младенецъ былъ его первенцемъ, но въ случаѣ смерти матери, нѣминуемо долженъ былъ послѣдовать за нею, такъ какъ чукчамъ неизвѣстно искусство вскармливаніе. Когда ничто не помогало, Лёлѣ, не долго думая предложилъ колнуть больную ножемъ, утверждая, что его покойный отецъ бывшій довольно сильнымъ шаманомъ, именно такъ лѣчилъ людей, временн унесенныхъ духами (т. е. упавшихъ въ обморокъ). Омрыэ готовъ былъ схватиться и за ножъ, и я не знаю, чѣмъ бы это кончилось, еслибы Ровтынга, наконецъ, не стала приходить въ себя, правда довольно медленно. Обморокъ длился минутъ пятнадцать и въ это время лицо ея было совершенно похоже на лицо трупа.

Когда молодая женщина оправилась, мужъ могъ устремить свое вниманіе на зловредный предметъ, подавшій поводъ къ обмороку, т. е. на ящиочекъ съ бумагами, который я все еще держалъ въ рукахъ.

— Уйди отсюда съ этимъ! — сказалъ онъ безъ обиняковъ. — Ты еще настъ уморишь!

— Куда же я пойду? — возразилъ я, довольно основательно предполагая, что въ каждомъ новомъ помѣщеніи можетъ разыграться такая же сцена.

— Ко (не знаю!), — отвѣтилъ гостепріимный хозяинъ.

— Ну, такъ я не пойду!

— Если не пойдешь, дай выкупъ! — потребовалъ Омрыэ.

Удовлетворить это требованіе было все-таки легче, чѣмъ предыдущее.

— У насъ такъ ведется — говорилъ хозяинъ — вещь, которая издавно находилась при чужомъ огнѣ, вѣтъ враждебнымъ духомъ на другихъ людей. Эти бумаги были слишкомъ долго у очага потомковъ Ээнейву.

Однако злоключенія мои съ этими документами не окончились уплатой выкупа. Какъ очнулась отъ обморока хозяйка, Лёлѣ уѣхала немедленно, притомъ обычая даже отказавшись напиться чаю въ нашемъ пологу. Онъ куда-то

спѣшилъ. Но не болѣе какъ черезъ два часа послѣ его отѣзда явился къ намъ новый гость или, лучше сказать, гости, въ видѣ старухи Пынчекауръ. Я подозрѣваю, что она ждала гдѣ-нибудь на дорогѣ возвращенія Лёлѣ, чтобы поскорѣе замѣстить его передъ нами.

— Ты взялъ мои бумаги? — сказала она прямо, послѣ первого обмѣна несложныхъ чукотскихъ привѣтствій.

— Я ихъ купилъ, — возразилъ я.

— Не знаю! — сказала старуха — я не продавала, а бумаги мои.

Я объяснилъ ей весьма сдержанно, что мнѣ не нужно знать, чьи эти бумаги, но что тому, у кого я ихъ взялъ, я отдалъ за нихъ плату.

— Ну, такъ дай плату и мнѣ! настаивала старуха. — Я хозяйка, а они мнѣ ничего не дали.

Она была такъ настойчива въ своихъ притязаніяхъ, что въ концѣ концовъ я подчинился и далъ ей половину прежней платы, такъ какъ, по ея словамъ, Лёлѣ и Кэт-Аймакъ раздѣлили все пополамъ и она хотѣла бы получить такую же долю.

Я распространился съ нѣкоторой подробностью объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ приобрѣтеніе бумагъ, чтобы попутно охарактеризовать способъ сношеній и переговоровъ съ чукчами при путешествіяхъ по ихъ стойбищамъ.

Приобрѣтенія мои состояли, какъ сказано выше, изъ двухъ документовъ, написанныхъ на сѣрой бумагѣ полудистового формата, и кромѣ того большой серебряной медали, помѣченной инициалами Екатерины II и 1791-мъ годомъ.

Одинъ изъ документовъ, названный въ заголовкѣ билетомъ, сохранился цѣликомъ. Другой истѣль и распался на четыре части, вслѣдствіе чего нѣкоторые слова не могли быть разобраны. Документы привожу съ сохраненіемъ ореографіи подлинника.

Билетъ № 37.

Объявителю сего Чукотской чаунской тоенъ Хамахеи вступилъ въ российское подданство прошлаго 1788-го года, въемъ во уверение учинилъ присягу соображеніемъ сродомъ ево платы взашиверскую округу каждогодно когда спрошень быть имеетъ ясакъ скаждаго человека лукомъ владеющимъ поодной лисице, икогда онои потребуетца то давать ему безотговорочно закоторое усерд (и) исказны Ея Императорскаго Величества пожалованы алыя кавтаны сходныя сыркутскимъ наместническимъ мундиромъ, икортики снадѣпсаниемъ напортупеяхъ российской верноподданной? Господъ команду-имеющихъ прошу чтобъ онаго тоена Хамахая принимать и почитать заверно-подданнаго Ея Императорскаго Величества раба, для чего сей

билетъ ему заподписаниемъ мои руки исприложениемъ Герба моего печати.
данъ февраля восьмаго дня 1789-го Года Земѣской исьправникъ Бергъ
гешваренъ Иванъ Фишеръ.

М. П.

Казачей сотникъ Иванъ Зеленыхъ.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы
Всероссійской изъ Иркутскаго Наместническаго Правленія Чюкоцкаго
Народа Тоену Хамахаю Поуказу Ея Императорскаго Величества
Иркутское Наместническое Правленіе опредѣлило Дать Вамъ Тоену Хамахаю
Сеи Ея Императорскаго Величества указъ стемъ Чтобы Вы Подоброи
Вашей Воле Сродными Своими Вошедшіе Под-Высоко-Славное Ея Импе-
раторскаго Величества Всероссійское Императорское под-
данство Противъ Продихъ были Отличены Симъ Главнымъ Тоена Назва-
ниемъ Ичто Таковое Ваше Ивсехъ Вашихъ Родниковъ Усерднейшее Желаніе
быть Воономъ Приемлется Соособливымъ Уваженіемъ, А Дабы Вы Ив[е] Ваши
Родники Отъ всехъ почитаемы Ипризнава Емы были Все Россійскими Верно
подданными Ичтобы Вамъ ивсемъ Родникамъ Никто немогъ Учинить Каковаго
Либо Вреда Или Утесненія; То Предписывается Чрезъ Сie Всемъ Россійскимъ
под Даннимъ Делать Вамъ Вовсемъ Где-бы-то Нислучилось Всякое благо-
действие Ивсе-возможное пособіе Ичтобъ Никакихъ Видовъ Кънарушенію Вашего
Спокойствія Итишины Преподаваемонебыло, и что Вы Впротивномъ Всему
Тому Случае Какъ Россійскимъ Такъ Идругихъ Державъ Иностраннымъ
Людамъ Показывать Должны Сеи Ея Императорскаго Величества
Указъ итребовать осв[о]и Россійскихъ Единоподанныхъ Всего Вышепроп[и]санного
Аотъ иностранныхъ Мирнаго Обхожденія на Противъ Чего Истороны Вашей
Надеется [Рос]сія Что Вы Вверноподданничество Вашемъ Оставшиесь Не-
пок[олебляемо?] Неупустите..... Ея Императорскаго Величества
Всемилостивишеи Государыи полезно Итщателно отвращать
Будите Все тѣ обстоятельства Которы Нарушить Могутъ Какъ Ваше Такъ
ивсехъ спо Коиствию:—Воверность Чего Дан. Сеи Изъ Иркутскаго
Наместническаго правле Нія Вгубернскомъ Городе иркутске заподписая[и]емъ
Членовъ Исприложениемъ Герба печати; Октября мц двадес дна 1791 года;
Правленія Советникъ.... Советникъ Александръ Постниковъ
Иркутскаго Наместническаго Правленія Советникъ Маеоръ Василій Верещагинъ

Секретарь Герасимъ Некрасовъ

Усего указа Ея Императорскаго
Величества иркутскаго наместни-
ческаго Правленія печать

Имя Хамахей (Хымыхай), которое носилъ первый чукотскій тойонъ, вступившій подъ русское подданство, довольно распространено между чукчами. Чаускій Эрмачын¹⁾, посѣтившій барона Врангеля во время экспедиціи 1823 года, тоже носилъ это имя. Въ родѣ теперешняго тойона²⁾ оленныхъ чукочъ имя это такъ же встрѣчается нередко.

Чукотская легенда называетъ устроителя первого мира между русскими и чукчами не Хымыхай, а Эннейву. Впрочемъ, у чукочъ одинъ и тотъ же человѣкъ часто имѣеть два и болѣе именъ. Въ семействѣ Эннейву эти документы, спрятанные въ ящикѣ, обвязанномъ веревочками, составляли часть семейной святыни и выносились изъ шатра вмѣстѣ съ другими священными предметами во время жертвоприношеній. Ихъ не обходили ни при помазаніи кровью, ни при кропленіи жертвенной похлебкой. Поэтому шнурокъ обвязки былъ украшенъ уккамаками—маленькими круглыми амулетами изъ дерева и кожи, походя на большія рѣдкія четки; кроме уккамаковъ къ нему были подвязаны двѣ тоненькия кисточки изъ полосокъ мягкой шкурки молодого тюленя, окрашенныя въ дымный цветъ копотью жертвенныхъ огней.

Вопреки велерѣчивымъ словамъ вышеупомянутыхъ документовъ, устная легенда относительно прекращенія войнъ между русскими и чукчами, разсказанная мнѣ старикомъ Хромымъ Паганто, по поводу именно этихъ бумагъ, гласить слѣдующее. Нутэвія чуванецъ изъ рода Этэль, убиваемаго съ обѣихъ сторонъ, пришелъ къ Эннейву и говоритъ:—Слишкомъ худо убивать другъ друга! Перестанемъ, сотворимъ союзъ! — Эннейву отвѣтилъ: — Посмотримъ! Ноди! спроси сильныхъ людей вашей стороны, что они скажутъ. Потомъ осенью прїѣзжай.—На слѣдующій годъ настала осень. Наставши, осень окончилась. Сидѣть Эннейву дома, слышитъ, кто-то прїѣхалъ на оленяхъ. Вышелъ на дворь—иные олени, иная одежда (не чукотская). Человѣкъ привязалъ оленей, не подходить, сидѣть на нартѣ, потупивъ голову, это—Нутэвія. Молча сидѣть, только голову потупляетъ. Эннейву обошелъ вокругъ одинъ разъ, другой разъ. Молчитъ, ничего не говорить. Пнуль его ногой въ лицо — молчитъ.

¹⁾ Врангель ошибочно принимаетъ это собственное имя за нарицательное имя начальника. Между тѣмъ какъ у чукочъ для выраженія понятія начальникъ существуютъ только производныя существительныя отъ корня эрмэ, арма, adj. и эрмэхін—сильный. Отсюда образуются эрэм начальникъ (въ русскомъ смыслѣ слова) и эрмэчын—витязь, богатырь, начальникъ (въ чукотскомъ смыслѣ слова). Хымыхай собственно значить червачекъ, и существованіе этого имени находится въ связи съ привычкою давать дѣтямъ имена животныхъ.

²⁾ Тойонъ или тоенъ — слово тюркского происхожденія и значить господинъ. Тойонъ оленныхъ чукочъ — сань наследственнаго князя оленныхъ чукочъ. Впрочемъ, авторитетъ его чисто призрачного свойства. Тойонскій сань установленъ русскими. Особенно старался укрѣпить его значение въ 1869—70 г.г. баронъ Майдель. Но чукчи обращаютъ очень мало вниманія на этотъ парадный авторитетъ, какъ и вообще на всѣхъ старость и старшинъ, поставленныхъ для управлениія ими и для сбора ясаковъ.

Еще разъ обошелъ кругомъ, еще разъ сильно пнулъ ногой въ лицо, испытываетъ, будетъ ли гнѣвъ. Молчитъ Нутэвія. Тогда Ээнейву присѣлъ на корточки противъ него.— «Пришель?— говоритъ. — Да! — Съ чѣмъ ты?— Ничего не говоря, достаетъ изъ сумы медаль и бумагу. Вотъ эта самая бумага съ просьбой прекратить войну и заключить союзъ.

Считаю не липшимъ привести здѣсь еще нѣкоторыя предавія относительно борьбы чукочъ съ русскими и ея прекращенія.

1) Разсказъ чукчи Йекака на урочищѣ Аконайне въ 1896 году.

Была дѣвочка, именемъ Йынкынѣуть. Собрались въ шатрѣ совершающіе служеніе, закрыли дымовое отверстіе, шаманятъ, поютъ, а между тѣмъ это собаки¹⁾. Одни поютъ: «Кооо! Кооо!». Воютъ дружочки. Другіе поютъ: «Кооон! Кооон!» Третіи, стоящи: «Ооо! ооо!» Наконецъ, хозяйка стойбаша говоритъ дѣвочкѣ: — Найди щель, загляни! Посмотри, что за поющіе, зачѣмъ они закрыли дымовое отверстіе. — Нашла щель. Заглянула. Все собаки воютъ. Подняла крикъ, люди прибѣжали и стали колотить. Убѣжали собаки на западную сторону, стали русскимъ народомъ. Часть осталась собаками, сдѣлалась ихъ упряжкою. Прежніе битые стали гнѣваться за удары, начали войну. — Ухъ! Мы не знали! Наши били собакъ, а онѣ стали народомъ.

Стали воевать. Пшелъ Якунинъ, желѣзомъ одѣтый, худоубивательный. Якунинъ, огненный таныгъ²⁾, сталъ истреблять народъ. Почему худоубивательный? Худо убиваетъ людей, мужчинъ разрубаетъ топоромъ по промежности, женщины раздираетъ пополамъ, какъ сущеную рыбу. У него пріемышъ, взрошенный изъ кочевыхъ людей, изъ племени настоящихъ таныговъ, приносящей пищу, проворный, быстроногій, на бѣгу догоняетъ дикаго оленя, убиваетъ ножемъ. Вываливъ содержимое желудка, хватаетъ за заднюю ногу; такъ просто уносить

¹⁾ Здѣсь изображается праздникъ ми́е́рыгын, который будто бы справляютъ собаки. На этомъ празднике совершаются торжественное служеніе надъ добычей охоты, причемъ мужчины шаманятъ, стуча въ бубенъ, а женщины, становясь передъ ними, выражаютъ свой религіозный экстазъ различными странными тѣлодвиженіями и пляской. Между прочимъ, собакамъ, волкамъ и другимъ хищнымъ животнымъ также приписывается совершение такихъ служеній послѣ удачной охоты. Впрочемъ, это описание праздника имѣть сатирическое значеніе, какъ видно изъ разсказа. Чукчи, насмѣхаясь надъ русскимъ «проголоснымъ, шѣниемъ, не имѣющимъ горловыхъ переливовъ, сравниваютъ его съ собачьимъ воемъ, тѣмъ болѣе, что русские на Колымѣ и на Анадырѣ, ближайшіе сосѣди оленныхъ чукочъ, єздятъ на собакахъ.

²⁾ Таныгами чукчи называютъ одинаково коряковъ, чувацевъ и русскихъ, но коряковъ называютъ при этомъ настоящими таныгами, а русскихъ огненными таныгами. Русские причислены къ таныгамъ на томъ основаніи, что они вначалѣ явились, какъ союзники коряковъ въ ихъ столкновеніяхъ съ чукчами.

домой. Худоубивательный Якунинъ истребляетъ людей, собралъ цѣлые возы шапокъ; шапки убитыхъ, двадцать возовъ, послалъ ихъ Солнечному Владыкѣ¹).

Говорить:— Больше нѣть! Всѣхъ истребилъ!

Говорить Солнечный Владыка: — Еще въ травѣ много скрывается птичекъ.

— Докончу! Пусть принесутъ большое ружье. Унесу съ собой!

— Однако нѣть! Убьютъ тебя!

— Могу!

Взялъ ружье, большое ружье, унесъ съ собой. Ходить, ищетъ жителей, истребляетъ. Наши (т. е. чукчи): Нанкачгать, богатырь, одѣтый въ одежду изъ лахтакной²) шкуры, большой, широкій, во время ледохода на рѣкѣ Номваанѣ, ложится поперекъ, задерживая глыбы льда. По его тѣлу проходить кочевые поѣзда, какъ по твердой землѣ. Товарищъ его Тэмээречъ не менѣе проворный. Пошелъ Взращенный русскими, пошелъ на промыселъ, нашелъ дикаго оленя, убилъ, подхватилъ. Изъ засады смотритъ Нанкачгать. Говорить:— Не сможемъ! Тэмээречъ говоритъ:— Я могу! Выскочилъ, догналъ Взращенного русскими, схватилъ за правую руку. Тотъ дергаетъ, но не можетъ вырваться.

— Если я сталъ тебѣ дичью, то убей³).

— Нѣть, не для смерти, но для жизни тебя схватилъ. Сердце твое не хочу достать.

— Эгэ!

— Почему лицо твое, какъ у настоящаго человѣка?⁴). Кто ты?

— Я изъ кочевого племени, взращенный русскими.

— А-а! Будь нашимъ товарищемъ, совсѣмъ нашимъ, указателемъ пути!

— Согласенъ.

Пошли вдвоемъ къ Якунину

— Вотъ, вотъ какого человѣка еще привелъ? (кричить Якунинъ).

Схватилъ большое ружье,想要 выстрѣлить.

— Зачѣмъ же? Это—товарищъ. Будеть указывать жительства.

Сѣль Тэмээречъ, сталъ Ѳеть. Щеть онъ очень скоро.

— Вотъ, вотъ! отчего такъ скоро Ѳеть?⁵).

¹) Государь.

²) Лахтакъ—крупный тюлень породы *rhusa bargbata*.

³) Въ сказкахъ и преданіяхъ побѣжденный богатырь всегда обращался къ побѣдителю съ той фразой, которая означаетъ требование *soup de grace*. Для побѣженного считается постыднымъ жить дальше.

⁴) Чукчи сами себя называютъ просто людьми, именно въ противоположеніе всѣмъ другимъ народностямъ.

⁵) Проворство въ Ѳѣдѣ составляетъ признакъ большой физической доблести, подозрительный въ глазахъ Якунина въ предполагаемомъ измѣнникѣ. Чукотская пословица гово-

Схватилъ большой ножъ.. Хочеть ударить.

— Зачѣмъ? Это товарицъ! будеть указывать жительства.

— А-а!

Заснулъ Якунинъ, покончивъ ъду. Тэмээречъ хочетъ его ударить ножемъ.

— Соннаго не убивай! Если Нанкачгатъ силенъ, пусть сражаются завтра двое!

— А-а! Пошли на утро сражаться, Якунинъ, одѣтый желѣзомъ, Нанкачгатъ, одѣтый лахтакомъ, двое. Копье Якунина, лезвее длиною въ локоть, копье Нанкачгата такой же длины ¹⁾). Солнце обошло вокругъ неба, сражаются, не могутъ... Люди кругомъ стоять, смотрятъ. Копье Якунина притупилось, стерлось объ землю до обуха. Желѣзная одежда разсѣчена. Языкъ Нанкачгата вывалился и свѣшивается до плеча. Еще не могутъ.

Эургинъ, изъ смотрящихъ, молодой парень, изъ деревяннаго лука выстрѣлилъ китовоусовой стрѣлой, пробилъ Якунину глазъ. Облился кровью Якунинъ. Сѣлъ на землю, оперся локтемъ объ землю. Множество людей приступаетъ къ нему, еще убиваетъ, ибо онъ силенъ. Тогда Эургинъ ударилъ ножемъ подъ броню, распоролъ брюхо, тогда убили.

На слѣдующій годъ Возвращенный русскими и Тэмээречъ пошли обозомъ къ Солнечному Владыкѣ.

— А гдѣ же тотъ?

— Нѣтъ его!

— Куда дѣвался?

— Убили его.

— Ага! Я говорилъ ему, не хвастай!...

Тогда перестали драться. Люди изъ народа Эгэль, убиваемые съ обѣихъ сторонъ, стали переводить на всѣ стороны. Сдѣлались союзниками, перестали воевать.

2. Разсказано чукчей Коравіей на р. Лабугенѣ въ 1896 году.

(Вторая версія предыдущаго рассказа)

Когда воевали танги съ чукчами, люди бѣжали изъ внутренней стороны къ морю, но танги слѣдовали сзади и истребляли неуспѣвшихъ убѣ-

ратья: «Когда молодые люди ѿдѣять быстро, старикамъ красиво смотрѣть». Вообще чукчи и молодые, и старые управляются съ ѿдѣй съ большой быстротой и даже осторженностью, когда дѣло доходитъ до костей, хрящей, сухожилій и т. п.

¹⁾ За неимѣніемъ мечей копье составляетъ обычное оружіе чукчъ также и для руко-пашнаго боя.

жать. Кого ловили, худо убивали. Мужчинъ разрубали топоромъ промежду ногъ внизъ головой. Женщинъ раскалывали пополамъ, какъ рыбу для сушки. Убивали оленные на край земли, помѣстились подъ утесъ, подъ крутыми скалами построили въ ущельи крѣпость; но таныги пришли и взобрались на горы и, скатывая сверху камни, изломали укрѣпленіе и истребили людей.

На землѣ Нэтэнъ за мысомъ Пээкъ¹⁾ поставили подъ утесомъ, нависшимъ надъ берегомъ, другую крѣпость. Сверху нельзя скатить туда камни. Таныги взошли на утесъ. Ничего не могутъ сдѣлать, ибо камни перелетаютъ черезъ границу жительства. Стали обходить, ища прохода. Впереди идетъ въ желѣзномъ панцыре Якунинъ.

У входа въ узкое ущелье стоитъ Эургинъ съ деревяннымъ лукомъ въ рукахъ и пьеть изъ круглой чаши воду.

— Пей хорошенько! — говорить Якунинъ. Больше ты не будешь пить на этой землѣ! —

Схватилъ Якунинъ копье, сталъ размахивать. Прыгаетъ вверхъ, какъ вершина лиственницы, машетъ копьемъ, какъ доскотомъ. Эургинъ наложилъ на лукъ маленькую стрѣлу изъ китового уса. Лицо Якунина покрыто желѣзомъ. Только двѣ дыры вместо глазъ. Пока прыгаетъ, выстрѣлилъ, попалъ ему въ глазъ. Упалъ на землю Якунинъ. Набѣжали и схватили его.

— Ты — худоубивающій! У насъ нѣть топоровъ, чтобы разрубить тебя. По крайней мѣрѣ иначе заставимъ тебя почувствовать смерть.

Развели огонь. Жарятъ его у огня. Хорошо поджаренное мясо срѣзываютъ ломтиками и жарятъ снова. Умеръ. Таныги, испугавшись, бѣжали, но ихъ настигли и истребили. Тогда въ знакъ радости устроили гонку судовъ. Жители Нэтена собрались на гонку. Пришли люди изъ Нуукана, Уэдена, Пичуна и всѣхъ приморскихъ селеній до Ванкарема²⁾. Но всѣхъ побѣдили два брата, рожденные сукой, изъ Экалюруна. Ставкой была плѣнная девушка, Таныгинка. Ее взявшъ, женились на ней. Тогда размножился родъ рожденныхъ сукой³⁾.

3. Разсказано на р. Лабугенѣ чукчей Пляканго въ 1897 году.

Когда въ первый разъ сошлись на битву таныги и чукчи, стали стрѣмъ другъ противъ друга. Сильно испугались наши, ибо таныги совсѣмъ ве-

¹⁾ Пээкъ — мысъ Дежневъ. Нэтэнъ — местность Ледовитаго прибрежья съ чукотскимъ поселкомъ того же имени.

²⁾ Приморскіе чукотскіе поселки Ледовитаго побережья.

³⁾ Семья такъ называемаго «тойона оленныхъ чукочъ» ведетъ свое происхожденіе именно отъ этихъ братьевъ, прародительницей которыхъ (но не матерью) считается черная сука.

виданные: торчатъ у нихъ ушица, какъ у моржей; копья длиною по локти—такъ широки, что затмеваютъ солнце. Глаза желѣзные, круглые. Вся одежда желѣзная. Копаютъ концомъ копья землю, какъ драчливые (оленни) быки копытомъ, вызываютъ на бой.

Всѣ сидять, потупивъ головы, боатся. Вышелъ таныгъ, копьемъ машетъ.

— Кто, кто выйдетъ со мной на борьбу?

По прежнему сидять, потупивъ головы; молчатъ, не рѣшаюсь. Старичекъ изъ нашихъ, старый, старый старичекъ, ходить впереди.—Ну, кто, кто попробуетъ?...

Всѣ молчатъ.

Есть четыре сильныхъ: Чимкель, Айнарыгинъ, Эленинъ Лявтылевалинъ¹⁾.

— Ну, пусть хоть Чимкель попробуетъ!

Впереди Чимкеля сидитъ его отецъ. Ждеть богатырь, пока заговорить старикъ. Однако всѣ сидять молча, не рѣшаются. Попрежнему ходить старичекъ впереди рядовъ.

— Кто, кто, кто попробуетъ?

Крикунъ крикнулъ:—Ну, пусть я!

Кивающій головой закивалъ:—Ты, ты!

— Нѣть, я!—Крикнулъ Эленинъ.—Я отъ роговъ тоже острая спица. Пусть сперва обломаютъ!

Копье къ ногѣ приложилъ, выскочилъ по глубокому снѣгу. Началось. Три дня, три ночи борются. Никто не можетъ одолѣть. Сталъ Эленинъ изнемогать. Но усталъ и таныгъ. Сдвинулась желѣзная шапка на затылокъ, показались волоса. Вся голова сѣдая. Прокусилъ насквозь губу Эленинъ.—Неужели буду побѣженъ старикомъ?

Сталъ виться, какъ волосъ, вокругъ таныга, наконецъ ранилъ его въ бедро. Упалъ таныгъ на локоть.

— Ого! Силенъ ты! Одержалъ верхъ надо мною. Только теперь увидѣлъ себѣ побѣдителя!

— Не говори же потомъ, что между рожденными бѣломорской женой не нашлось человѣка помѣртвиться съ тобой!

— Ага! Кто отецъ твой? Покажи мнѣ его! Хорошо тебѣ, взростившему такого сына!. Ну, убей меня!

— Нѣть!..

— Убей меня, говорю! Побѣженному зачѣмъ жить на свѣтѣ?

¹⁾ Имена героевъ борьбы съ таныгами еще живутъ въ народной памяти и многія семьи ведутъ свое происхожденіе отъ того или другого изъ нихъ. Самое известное имя—Лявтылевалинъ, что значитъ кивающій головой. Айнарыгинъ значитъ крикунъ.

Какъ ни приставалъ, не убилъ. Тогда снялъ съ себя желѣзную одежду, отдалъ копье, говорить:—Этимъ ты владѣй, если ты сильнѣе! Вотъ мой обозъ. Тутъ моя жена, дѣти и имущество.—Самъ ушелъ пѣшкомъ о посохѣ.

4. Разсказано чукчей Ремкиленомъ на р. Молондѣ въ 1895 году.

Задолго послѣ битвъ открылась ярмарка и сошлись многіе чукчи, хотѣть торговатъ. Но пріѣхалъ начальникъ отъ Женщины-Властителя, говорить:—Мой духъ худъ. Я хочу воевать. Вы многихъ нашихъ людей убили.

— Это не мы, это Анадырскіе!—Отпираются наши. Ходили по крѣпости четверо. Первый—Леутъ, богатый купецъ, второй Кочённе, дѣдъ Чепатки, третій Леляльпыленъ, дѣдъ Эйгелина, четвертый Вотиргинъ, мой дѣдъ ¹⁾). Торговли нѣть. Ходять, разматриваютъ домъ начальника. Посмотрѣли украдкою сквозь щель, сквозь тонкую дверь, видятъ: человѣкъ сидѣтъ, весь въ красномъ, шапка красная, сапоги красные, вся одежда красная. Говорить Кочённе:—Сломаемъ дверь, схватимъ его!

Сломали тонкую дверь, схватили, унесли домой. Онъ бьется, кричитъ:

— Сюда, сюда люди!

Никого нѣть; ночь. Унесли его на стойбище Леляльпылена. На другой день зашумѣли русскіе люди, закричалъ начальникъ:—Отдайте человѣка!

— Нѣть, не отдадимъ! Давайте торговатъ, тогда отдадимъ!—Нечего дѣлать. Согласились русскіе на торговлю. Тогда отпустили краснаго человѣка. Леутъ богачъ далъ ему двѣ черныя лисицы, ради искупленія.

Послѣ того стали искать переводчика и нашли изъ чуванскаго рода Этэль на Большой Рѣкѣ.

Опять говорить начальникъ:—Нѣть! Мой духъ худъ! Куда вы дѣвали столько нашихъ людей?

— Не ищи ихъ, перестань! Поставь надъ нами начальника! Пусть онъ платить дань ради тѣхъ убитыхъ людей! Указалъ на Вотиргина. Но Вотиргинъ отговорился.—Я живу у моря!—и указалъ на Леляльпылена. Тогда наложили ясаки, но ясаки были немногочисленны. Только потомъ баронъ ²⁾ ихъ умножилъ.

¹⁾ Чепатка—богатый «торговый чукча», ведущій въ настоящее время торговлю на Аниской и Анадырской ярмаркахъ. Эйгелинъ—вышеупомянутый «тойонъ оленныхъ чукчъ», тоже современный. Леляльпыленъ—его драдѣдъ, поставленный тойономъ въ концѣ прошлаго вѣка.

²⁾ Баронъ Майдель см. выше.

5. Русское преданіе о погромѣ, произведенномъ чукчами на Колымѣ.

(Разсказано мѣщанкой Ариной Шкулевой въ Походской деревнѣ на Нижней Колымѣ въ 1896 году).

— А ты знашь, есть этто, Чукочья була деревня¹⁾. Тамъ каланча стояла, теперь на боку лежитъ. Давно это була. Ии на то доспѣли²⁾, чтобы чукочъ сторожить. О и огромнаа! Каждая стѣна четыре сажени. Вышина само съ церковью наравнѣ. Внизу мостъ, вверху опять мостъ (бревенчатый полъ). Вотъ однова³⁾ стоитъ на каланчѣ старичекъ. Вотъ стало утро отзаривать, смотритъ за протоку: совсѣмъ свѣтло стало. Дерево видится лежачее, и показись ему, будто черезъ дерево человѣкъ перевалился въ чукотской кухлянкѣ нерпичьихъ кишечкѣ. Кухлянка—родъ нашихъ окончинъ⁴⁾.

Вотъ сталъ говорить ребятамъ.—Эй, ребята! Смотрите! Живо—чукчи насть скрадываютъ, исплѣнить⁵⁾ хотятъ!.

Ну молодяжники⁶⁾, они и не вѣрятъ.

Старикъ сейчасъ котомку на спину, а посохъ въ руку и пошелъ на Походское⁷⁾. Они стали тамъ лѣтовать, потомъ осеновать. Какъ ночи стали чернѣе, чукчи пришли на нихъ сонныхъ, ну всѣхъ и переплѣнили. Кто выбѣжитъ изъ дома, того и убютъ. Только двое братья, такіе удалые, какъ ихъ ни гоняютъ, не могутъ ихъ ни копьемъ ткнуть, ни стрѣлой угодить. Вотъ бѣгали, бѣгали. Старшой и побѣжалъ мимо одной старухи. Старая чукчанка сидитъ на санкѣ, ужъ и ходить не моготъ, ползать. Такъ она стрѣлила костянкой⁸⁾, да угодила ему въ колѣно. Тутъ упалъ, да закричалъ:

— Эй братъ! Развѣ ты одинъ на свѣтѣ жить хочешь? Какъ станешь?— Ну, тотъ на проходѣ самъ и отдался. Такъ обоихъ и убили.

А еще булъ парень, какъ упалъ между мертвыми навзнакъ, будто тоже мертвой, такъ лежитъ и видитъ: одного-то брата одѣли въ бѣлую кухлянку, другого въ пеструю. Одного положили на бѣлую постель⁹⁾, другого на пеструю.

¹⁾ Чукочья деревня—бывшее русское поселеніе на р. Колымѣ при владеніи р. Чукочей въ 50 верстахъ отъ океана. Верхній срубъ каланчи, съ которой сторожили чукочъ, еще пѣль. Нижній растасканъ на дрова. Впрочемъ, теперь на р. Чукочей нѣть ни одного русскаго «дыма», а въ соседніхъ тундрахъ ни одного чукотскаго шатра, такъ какъ населеніе стяжи вымерло, отчасти переселилось въ другія мѣстности.

²⁾ Доспѣть—сдѣлать.

³⁾ Однова—однажды.

⁴⁾ Кухлянка—верхній балахонъ изъ шкуръ, кожи или ткани, также изъ сшитыхъ вмѣстѣ тюленыхъ или моржевыхъ кишечкѣ. Изъ того же материала приготовляютъ окончины т. е. лѣтнія оболочки для оконъ, при отсутствии стеколь.

⁵⁾ Исплѣнить—перебить, истребить.

⁶⁾ Молодяжники—молодые люди.

⁷⁾ Деревня Походская на лѣвомъ устьѣ р. Колымы.

⁸⁾ Костянная стрѣла.

⁹⁾ Постель—оленяя шкура.

А старуха-то ходить не моготь, такъ ползать, отъ тѣла къ тѣлу переползать, каждому въ лицо засматривать. Какъ до живого дошли, да посмотрѣла. Была у ней въ рукахъ подѣмка¹⁾. Ни лезвіе, ни лицо, ничего нѣту, ну да у чукачъ и желѣзо тогда не было. Вотъ и давай этой подѣмкой поперекъ лба у него потихоньку рубить. Тукъ да тукъ! Тукъ да тукъ! Все передѣлье вырубила. А ужъ не крикнула, смолчалъ. Богъ терпѣніе далъ. Какъ только они извелися, онъ и всталъ, въ Походскую даль вѣсть. Ну въ крѣпость²⁾ тогда казакъ булъ прямо комаръ, астолько много. Магазины эти теперь пустые стоять, були мукой завалены подъ самой верхъ. Вотъ и послали ихъ съ орудіями разыскивать чукачъ. Ну они дошли до Чукочей, за ёдомъ³⁾ дымъ увидали. Да они о чомъ изъ драку пойдутъ. Тогда вѣдь одного чукотскаго имени страшились. Такъ и своровали и не сказали про дымъ. Пришли, сказали: «Нигдѣ нѣту»!

Чукачи потомъ говорили:— А мы изъ зарѣчья перешли по льду, да въ чукотской ёдомъ лѣто прожили. Русаки гусевали⁴⁾, а мы дружными-то свои стельки⁵⁾ на дорогу бросали, чтобы они устрастились, ходили постыржище. Ну, да ужъ нѣть.

Оттуда эти чукачи разбрелись въ разны стороны. Ины-то дошли даже до Идигирки. Вотъ ходатъ парни гусевать. Булъ стариочекъ Портнигинъ на Портнигиной тонѣ. Говорить къ нему:— Что за диво? Мы гусевемъ, а въ намъ и прилетываютъ откуда-то чукотски костинки, одного до смерти убили. Пристанемъ, сколько ходимъ. Никого найти не могомъ!

— Повели бу меня на то мѣсто!— говорить Портнигинъ.— Я бу, можетъ, и нашелъ.

Пошли всѣ вмѣстѣ. — А гдѣ? — сказывать. — Этто! — говорить. Поднялись на берегъ, ни кого нѣту. Только калтусъ⁶⁾. Кочки видятся на калтусѣ чисто безъ конца; такія крупныя. — Вотъ — говорить — по этимъ кочкамъ стрѣляйте стрѣлами! — Стало стрѣлять. Каку кочку ни стрѣлить, то и чукача падать. Каку кочку ни стрѣлить, то и чукача.

Они—прѣчи-то⁷⁾, кочку выбранасть, до подъ кочку и сидуть, сверху кочкой прикроются, траву расправятъ, да и смотрять скрою. Тутъ ихъ и переплѣнили всѣхъ.

¹⁾ Наленка—небольшой кроильный ножъ съ полуциркульнымъ лезвіемъ, ародъ сапожного.

²⁾ Нижнеколымская крѣпость.

³⁾ Чунгская ёдома—отрогъ скалистой гряды на западной тундрѣ.

⁴⁾ Гусевать прокишасть линялаго гуся.

⁵⁾ Чукотскія стельки по формѣ исколько разнятся отъ русскихъ, такъ какъ носки чукотской обуви бѣлѣе яловки и круглы.

⁶⁾ Калтусъ—кочковатый мокрый лугъ.

⁷⁾ Прѣчи—проказники.

Другіе пошли по тундрѣ, да вышли на Дуванное ночью. На Дуванномъ-то опять люднэро жили. Тѣхъ всѣхъ переплѣнили. Карбасья-то у нихъ пожами испротыкали. Каки люди выбѣгутъ, въ карбасъ нападаютъ, хотятъ на рѣку угrestи, карбасъ только свистить, вода наливается. Тутъ всѣ и прі-утонуть. Потомъ пошли на Омолонъ, а тамъ имъ встрѣчу доспѣли, про это сами юкагиры сказываютъ. Достальны-то разбѣжались порозно. Досельны-то юкагиры пасти бисерками сторожили. Надергаютъ ихъ на ниточку, да и до-спѣютъ на наживу. Чукчи полѣзутъ доставать бисерки, да и попадутъ въ пасть. Хозяинъ-то придетъ смотрѣть пасть.

— То чѣго, кака мечта лежить? Еще живой...

А онъ по-русски будто и говорить:—Эй, которая топора шита та, бита та!—Отпустить будто просить. Ну у нашего чѣго въ рукахъ топоръ или ножикъ, тѣмъ и благословить. Такъ извѣлись современемъ и всѣ.

А на Анадырской сторонѣ какое многолюдство было, тоже чукчи все исплѣнили. Вотъ булъ городъ, а въ городу осенью люди живутъ. Какъ вѣчеръ придетъ, воронье то и слетается, такъ и куркатъ, такъ и куркать¹⁾. Вотъ старушки выходятъ, старички.— Эй, робяты! — говорятъ.— Къ чѣму же воронье куркатъ, видно опять чукчи придти хотятъ, нась погромить хотятъ.—Ну, кто вѣритъ, кто и не вѣритъ. Вотъ взаболь²⁾ на утренней зарѣ и пришли, на сонныхъ напали, всѣхъ и перебили. Бабъ-то поплѣнили. Одна була, у ней булъ титешной робенокъ, она и уѣгла и робенка унесла на рукѣ. Бѣгла, бѣгла, слышитъ погонь за собой; обернулась, гонять ее двѣ санки. Какъ обернулась, одинъ отъ и стрѣлилъ, да робенка-то и угодилъ, ну и убилъ. Она упала на робенка, стала воять. Они іи схватили, да понесли. Только понесли, ножикъ у ней булъ, выдернула его, самое себя зарѣзала. Троихъ бабъ чукчи унесли. Одна-то—по дорогѣ яръ у рѣки обвалился—подъ яръ залѣзла само въ глубину. Такъ вѣдь сколько копьями ни кололи, всю парченку³⁾ испрокололи, а туту-то не могли угодить. Цѣлыя сутки тутъ прожили доставали іи, да не могли достать, съ тѣмъ и попустились. Ну какъ они уѣхали, она вышла, пошла напрямь, туда, гдѣ знала людей. А двухъ-то совсѣмъ увезли. Мужевья-то у нихъ були въ отлучкѣ, оба богатые. Вотъ воротились, бабъ нѣту, давай собирать выкупъ. Понакупили табаки⁴⁾, а тѣ чукчи були на острову за промусломъ. Сѣли въ карбасъ, погребли. Гребли, гребли, прїѣхали на островъ. Одна баба, какъ увидѣла мужа, такъ и за слёзы, другая отъ роду, безо вниманія. А между тѣмъ у обѣихъ по титешному робенку. Стали выкупать: такъ да сѧѣ, по сумѣ ли, какъ ли, на выкупъ и дали.

¹⁾ Куркать—каркать.

²⁾ Взаболь—дѣйствительно.

³⁾ Парка—женская верхняя одежда.

⁴⁾ Табаки—пачки табаку. Онъ складываются въ трехпудовыя плющныя сумы.

— Бабъ то, говорять, отадимъ, а ребять не отадимъ.

Вотъ посадили бабъ въ карбасъ, повезли. Такъ мужевья стоять на берегу, ребять на рукахъ держать. Какъ отгребли, первый-то и завояль, такъ себя по бедрамъ и хлоннулъ.— Ахъ, говоритъ, я дуракъ! На табакъ полстился, а бабы лишился. Другу таку, а гдѣ наживу?

А другой только молчать, ничего ему...—Слушай, мамука!... Друга-то баба вѣдь трижды бѣгала къ чукчъ своему, трижды ее ворачивали. Третій разъ убѣжала, да такъ и прошла безъ вѣсти. То есть чукчи ее въ свою вѣру перешаманили¹).

Анадырской отъ городъ весь раззорили, церковь изломали и крестъ на воду спустили, стойкомъ поплылъ. Отчего старики-то говорили, «что Анадырь еще возновится» и правда—вотъ теперь возновился. А тогда какій буди пелены, утвари, все сюда назадъ вывезли! А городъ отъ зорили, какъ вѣдь уродовали юколу²), рыбу, кака была, всю на дворъ вынесли, измачкали. Фляги со жиромъ вынесли, вылили на землю, а пустыя фляги побросали. всю ъдущку изничтожили. Потомъ люди, которые живые остались, цѣльну зиму голодомъ ходили.

6) Преданіе обрусьыхъ юкагировъ о нападеніи чукочъ на юкагирскіе поселки на устьѣ р. Омолона.

(Разсказано омолонскимъ юкагиромъ Василіемъ Востряковымъ въ деревнѣ Колымской въ 1895 году).

Лѣтъ за сто было. Пришли чукчи въ байдарахъ. Русски деревни погромили. На Погромномъ крестъ стоялъ, и того всего копьями испрокололи. Потомъ къ намъ пошли на Омолонъ. Байдары-то на берегу покинули. Стали горой обходить. Одна старушка вышла, слышить. Это по вороньему кричать, перекликаются. Смотрить, а тамъ копья блестятъ на ратовьяхъ. Сказала людямъ. Жители сейчасъ это всю ъду, припасы, юколы собрали, на корбасъ склали, достальны-то корбасъ продыроватили, глиной замазали, на берегу покинули. Сами уплыли въ Омолонъ. Пришли чукчи, видять: никто нѣту, корбасъ на берегу стоять, сѣли въ корбасъ, погребли; другое къ байдарамъ вернулись, на нихъ выплыли. Тѣ, что на корбасьяхъ, тутъ потонули, а байдары вѣхали въ Омолонъ; на рѣкѣ-то у насъ быстерь, борозду³) не знаютъ, всѣхъ пооприкладывало. Тутъ они и потонули всѣ.

B. Богоразъ.

¹) Руские утверждаютъ, что чукчи при помощи шаманства приворачиваютъ къ своей вѣрѣ сердца женщинъ, попавшихъ къ нимъ въ замужество.

²) Особый родъ валеной рыбы.

³) Борозда—фарватеръ.